

УДК 821.161.1-31(Сорокин В.):655.42(437.6)
DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-01
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-8,444+Ч618
ГРНТИ 17.07.29
Код ВАК 10.01.01

**«МАНАРАГА» И ДРУГИЕ
(НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СЛОВАЦКОМ КНИЖНОМ РЫНКЕ)**

Лизонь М.

Университет им. Матея Бела (Банска Быстрица, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-007X>

Аннотация. В статье сопоставляется функционирование произведений русской литературы в художественном нарративе (повесть Владимира Сорокина «Манарага») и в пространстве словацкого книжного рынка. Внимание в ней обращается на взаимоотношение ценности произведений художественной литературы и определенного литературного пространства, то есть на проблему образования литературного канона (пантеона) как существенной составляющей системы литературы. Ценность в тексте понимается как культурный (символический) капитал художественного произведения, присуждаемый ему определенной институцией, в рамках которой данное произведение функционирует. Этому восприятию в определенной степени противопоставляется ее отождествление в повести Сорокина с экономическим капиталом (стоимостью отдельных изданий) и ожиданием прибыли от продажи книг издательствами, так как эти два антагонистичных капитала – культурный и экономический – являются, как утверждает Пьер Бурдьё [Bourdieu 2010], неотъемлемой частью существования литературы в литературном поле. Ценность произведений художественной литературы в двух указанных системах рассматривается на примере модели русской литературы и ее иерархии, представленной в повести «Манарага», и на основе сложившейся за последние 30 лет модели русской литературы на словацком книжном рынке. В статье раскрываются параллели между двумя названными системами, которые указывают, во-первых, на рефлексию Сорокиным функционирования русской литературы в пространстве мировой литературы¹; во-вторых, на важное значение ценности, присуждаемой отдельным художественным текстам, (статус писателя-классика, или же представителя мировой литературы) как существенный фактор формирования модели русской литературы на книжном рынке Словакии.

Ключевые слова: книжный рынок; литературный канон; мировая литература; русская литература; русские писатели; художественный нарратив; повести.

**“MANARAGA” AND OTHER WRITINGS
(SOME ASPECTS OF THE RUSSIAN LITERATURE MODEL
FORMATION IN THE RUSSIAN BOOK MARKET)**

Martin Lizon

Matej Bel University (Banská Bystrica, Slovakia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-007X>

Abstract. The article compares the functioning of Russian fiction works in the artistic narrative (“Manaraga”, the short story of Vladimir Sorokin) and in the space of the Slovak book market. It draws attention to the relationship between the works of fiction value and a certain literary space, that is, to the problem of a literary canon formation (pantheon) as an essential component of the literature system. The value in the text is understood as the cultural (symbolic) capital of a work of art, awarded to it by a certain institution, within which the work is functioning. To a certain extent, this perception is opposed by its identification in Sorokin's short story with economic capital (the cost of individual publications) and the profit expectation from the sale of books by publishers, since these two antagonistic capitals – the cultural and the economic one – are, according to Pierre Bourdieu [Bourdieu 2010], an integral part of literature existence in the literary field. The value of works of fiction in these two systems is considered by the example of the Russian literature model and its hierarchy presented in “Manaraga” and on the basis of the Russian literature model that has developed over the past 30 years in the Slovak book market. The article reveals the parallels between these two systems, which indicate: firstly, Sorokin's reflection on the Russian literature functioning in the space of world literature; secondly, the essential importance of the value attributed to individual literary texts (the status of a classical writer, or a representative of world literature), as an essential factor of the Russian literature model formation in the Slovak book market.

Keywords: book market; literary canon; world literature; Russian fiction; Russian writers; literary narrative; novellas.

¹ По мнению Турышевой, в повести «писатель оформляет в образы уже осмысленное в культуре, а возможно, и уже осуществившееся» [Турышева 2018: 143].

Для цитирования: Лизонь, М. «Манарага» и другие (некоторые аспекты формирования модели русской литературы на словацком книжном рынке) / М. Лизонь. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. XX-XX. – DOI: 10.51762/IFK-2021-26-01-01.

For citation: Lizon, M. (2021). “Manaraga” and Other Writings (Some Aspects of the Russian Literature Model Formation in the Russian Book Market). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. XX-XX. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-01-01.

Благодарности: статья выполнена по грантовому проекту ВЕГА 1/0431/19 «Модель русской литературы на словацком книжном рынке» (Model ruskej literatúry na slovenskom knižnom trhu).

Acknowledgments: the study is supported by the VEGA 1/0431/19 research grant project “Russian literature model on the Slovak book market” (Model ruskej literatúry na slovenskom knižnom trhu).

Рассуждая о ценности литературы как одной из принципиальных областей исследования науки о литературе, Антуан Компаньон в своей работе «Демон теории. Литература и здравый смысл» приводит слова Поля Валери: «Утверждаю, что точно так же, как ценности нефть, хлеб или золото, существует и ценность дух. Я сказал ценность, потому что и при нем существует оценка, обсуждение значения, а также дискуссия о стоимости, которую мы должны заплатить за эту ценность – за ценность дух» [Valery цит. по Casanova 2012: 29]. Признавая существование ценности литературы (того, что Поль Валери называет духом), необходимо выявить процессы, механизмы присуждения определенной ценности конкретному литературному тексту. Не зря Антуан Компаньон задается вопросом, который и в рамках этого исследования можно считать ключевым: «Имеет и может ли вообще иметь оценка литературных текстов специалистами или любителями объективную или, по крайней мере, разумную основу? Является ли она вообще чем-то другим, нежели субъективной и произвольной оценкой типа: Мне нравится, мне не нравится?» [Compagnon 2006: 245] Проблема противостояния субъективности и объективности распределения культурного капитала, то есть присуждения конкретным литературным произведениям и их авторам ценности, остается нерешенной не только в литературе как специфической социальной системе [Schmidt 2008], но и в рамках литературоведения². Этот факт доказывают слова Компаньона, обвиняющего литературную историю в мнимой, несуществующей на самом деле объективности: «Однако оппозицию (научной) объективности и (критической) субъективности теория считает ловушкой, так как даже самая ограниченная литературная история, которая ориентируется исключительно на факты, основана на ценностном суде, по крайней мере, своих прежних и чаще всего не высказанных решениях, что считает литературой (канон, великие писатели)» [Compagnon 2006: 246]. В этой связи, однако, надо признать стремление истории литературы рассматривать процесс формирования литературного канона в контексте трансформаций интереса читателей и рефлексии литературного материала в целом. Соня Паштекова пишет, что «при создании литературной истории незаменимую роль играет аспект рецепции, который, учитывая фиктивного или конкретного читателя, влияет на литературный канон. Примером может служить заказчик академической истории литературы или пособия по литературе (для образовательного учреждения, таких культурных учреждений, как театр или кино, вплоть до издательств и переводчиков). <...> Литературная рецепция (качественная селекция, критическая рефлексия или критерий отбора – эстетического или другого художественного произведения для перевода с иностранного языка или на иностранный язык) намного интенсивнее участвует в формировании эстетического канона определенного периода, чем могло бы казаться» [Paštéková 2013: 100].

Несмотря на упомянутое противоречие в восприятии литературного текста историками литературы, литературный канон и, следовательно, присуждаемая определенным литературным текстам ценность, являются относительно динамичной системой. Как утверждает Паштекова, «Онтология литературы является сложным актом непрерывной вариативности временно канонизированных эстетических парадигм» [Paštéková 2013: 100]. Литературный канон и существующая в его рамках иерархия текстов является, по словам Петра Онуфера, результатом механизмов, работающих внутри определенной системы (институции): «...канон, несомненно, является исключительно явлением институциональным, возникает согласно правилам институции, его значение и обязательность являются делом престижа данной институции» [Onufer 2018: 26]. Подтверждением институционального характера канона и его содержания могут служить и слова Иммануила Канта, который утверждал, что «суд вкуса не является процессом познания. Он лишен логичности – он эстетичен, мотивация его неизбежно субъективная» [Kant 1975: 51].

Рассматривая две литературные системы, в рамках которых бытует русская художественная литература (организацию бук-эн-гриллеров в повести «Манарага» и функционирование этой литературы на словацком книжном рынке – то есть в издательствах и книжных интернет-магазинах), можно предположить, что сформированная иерархия русской литературы является результатом совмещения нескольких факторов, среди которых интересы (в первую очередь экономические) определенной системы (институции) играют решающую

² Имеется в виду, прежде всего, спор литературных критиков и литературных историков. Если для первых, как утверждает чешский теоретик литературы Павел Яноушек, ценностный суд и присуждение литературному тексту определенной ценности является едва ли не главной задачей (литературные историки работают с якобы объективными фактами), то историки исходят из сложившейся в историческом процессе литературной иерархии [Janoušek 2012].

роль. Ценность литературного произведения в обеих системах тесно связана с конструированием литературного канона и результатами этого конструирования. Поэтому в статье внимание уделяется оценочным атрибутам, присуждаемым литературным произведениям: позиции, занимаемой литературным произведением в данной системе (в сформированном в рамках этого пространства каноне), частотности его появления в этом пространстве (число изданий, или же, в случае «Манараги» Владимира Сорокина, его упоминаний в этой повести), а также основным аспектам (факторам) и причинам присуждения определенной ценности.

«Манарага» – пока последнее (седьмое по счету³) произведение Владимира Сорокина, переведенное на словацкий язык (издательство Artforum, 2017 г., перевод Яна Штрассера), – текст о специфическом функционировании литературного текста в будущем. Сорокин в повести моделирует новый мир, весьма своеобразное игровое поле, в рамках которого функционируют тексты художественной литературы. В недалеком будущем литература превращается в музейный экспонат⁴, в неживой предмет, контакт которого с читателем обеспечивают так называемые бук-эн-гриллеры. Книга в этом контексте, в прямом своем смысле, служит топливом, на котором для богатых клиентов по всему миру бук-эн-гриллеры жарят выбранную клиентом пищу. «С тех пор как человечество перестало печатать книги и навсегда сделало лучшие из них музейными экспонатами, book'n'grill появился на свет. Люди всегда тянутся к запретному плоду. Девяносто процентов отпечатанных человечеством книг были сданы в утиль или просто выброшены на помойки, чтобы не занимали пространство в квартирах. А вот оставшиеся десять, осевшие в музеях и библиотеках, вдохновили лучшую часть человечества на удивительную страсть. Первый стейк был зажарен двенадцать лет назад в Лондоне на пламени первого издания „Поминок по Финнегану“, выкраденного из Британского музея» [Сорокин [http](#)]. Традиционная книга становится запретным товаром, предметом потребления элиты. Функции, которые литература традиционно выполняла, в созданной Сорокиным альтернативе будущего полностью заменены совершенными цифровыми технологиями, хранящими и передающими богатейшую информацию, в том числе информацию, заложенную в произведениях художественной литературы. Ее, по сути, уже никто больше не читает.

Тема сожжения книг, которая в произведении Сорокина выходит на первый план, вовсе не нова, однако, Сорокин предлагает новую семантику сожжения книг. Несмотря на превращение книги в пепел, сам процесс выбора книг, предназначенных для кулинарии, их функционирование в созданном Сорокиным пространстве восходит к метафоре *книга – это пища (ума, души)*⁵. Значит, в этом произведении, как и во многих других текстах Владимира Сорокина, использован один из отличительных атрибутов его творчества – реализация (материализация⁶) метафоры. Подтверждение такого толкования функционирования литературы в повести «Манарага» заложено также в соотношении конкретных художественных произведений с конкретными блюдами. Качество и толщина бумаги, тип печати, переплет, вес книги, количество страниц, место и год издания – все эти знаки определяют выбор блюда. «*Вечер: шашлык из осетрины на „Идиоте“*». Роман *полноценный*, второго среднего веса, 720 граммов, 509 страниц, бумага веленевая, цельнотканевый коленкоровый переплет. Вполне хватило на восемь шампуров» [Сорокин [http](#)]. Взаимовлияние блюда и книги работает и в обратном порядке, то есть тогда, когда блюдо определяет выбор произведения: «Так вот, дорогие мои, сегодня наш саба делает нам подарок: модный book'n'grill, гефилте гелзеле⁷ на „Одесских рассказах“ Исаака Бабея» [Сорокин [http](#)].

Способ существования литературы в тексте Сорокина является, как считает Турышева, рефлексией писателем широкого спектра литературоведческих исследований, к которым можно отнести и идею трех революций в чтении, выдвинутую французским историком Роже Шартье. Последняя из названных этим исследователем революций представляет собой замену печатного текста экраном [Турышева 2018]. «Но, слава Огню, уже давным-давно встал и ржавеет мировой печатный станок. Эпоха Гутенберга завершилась полной победой электричества» [Сорокин [http](#)]. Результаты третьей революции в повести Сорокина представлены в модифицированном виде. Печатный текст, однако, заменяет не экран, а дым – эссенция текста. Печатная книга, а тем самым и литературный текст, у Сорокина сохраняет свою ценность, хоть в несколько искаженном, вернее, аллегорическом виде. Печатная книга, превратившаяся в продукт нелегального бизнеса (кулинарные эксперименты на книгах строго запрещены), реализаторами которого являются бук-эн-гриллеры, – это дорогостоящий предмет. Стоимость отдельных книг определяется позицией в сложившейся иерархии литературных произведений. Несмотря на то, что Сорокин склоняет читателя отождествлять тексты художественной литературы с товаром потребления (едой), статус литературного текста вовсе неоднозначен,

³ Раньше были изданы: роман «Лед» (Kalligram, 2008), повесть «День опричника» (Kalligram, 2008), роман «Сердца четырех» (Kalligram, 2009), повесть «Метель» (Kalligram, 2013), роман «Теллурия» (Artforum, 2014) и роман «Очердь» (Petrus, 2015), все в переводе Яна Штрассера.

⁴ В русской литературе отождествление литературы прошлого с музейным экспонатом, а также рецепции литературного текста как потребления отнюдь не новое явление, встречается, например, в поэзии Д. Пригова, в романе Андрея Битова «Пушкинский дом» или в романе Татьяны Толстой «Жысь».

⁵ Отождествление книги и пищи можно найти как в художественной литературе, например: «Да, книг, ради бога, книг!.. Стихов, стихов, стихов! Это пища для души» (А. С. Пушкин), так и в устном народном творчестве: «Хлеб питает тело, а книга питает разум».

⁶ Валерий Купка, ссылаясь на Дирка Уффельмана, этот прием называет материализованной метафорой или деметафоризацией [Курка 2018: 47].

⁷ Фаршированная куриная шейка – традиционное блюдо еврейской кухни.

так как сравнение книги и кулинарии указывает на одну из важнейших идейных основ книги – классификацию литературы на элитарную и массовую, которую Ханс Роберт Яусс и Элизабет Безингер называют кулинарной⁸ (легкой). Именно столкновение элитарной и массовой литературы, как вслед за Пьером Бурдые утверждает Турышева, является «главной движущей пружиной развития поля литературы. В полном согласии с этой идеей, одни герои романа отстаивают элитарность бук-эн-грилля, а другие изобретают способ приобщения к книжной гастрономии самых простых клиентов. Это одна из причин, почему бук-эн-гриллера Сорокина можно отождествлять с издателями и критиками – создателями символической ценности литературы» [Турышева 2018: 144]. Бук-эн-гриллер «не просто готовит пищу, но умеет отличать хорошие тексты от плохих» [Данилкин http]. Именно бук-эн-гриллеры дают музейным экспонатам возможность (последнюю) быть прочтенными, своим читателям (потребителям) предлагают ценнейшие в символическом (а нередко и экономическом) смысле произведения. По этой причине неудивительно, что Лев Данилкин о повести Сорокина пишет: «„Манарага“ – роман о тех, кто обладает привилегией формировать литературный канон» [Данилкин http]. В повести, таким образом, складывается довольно четкое представление о существующей в мире будущего иерархии литературных произведений. В приведенных далее словах Гези, главного героя повести, раскрываются основные ценности, которые конкретизируются в кулинарных похождениях как самого Гези, так и других бук-эн-гриллеров, объединенных в Съезд шеф-поваров. «Книги для меня не просто *дрова*, как их называют в нашем поварском подпольном сообществе. Все-таки книга – это целый мир, хоть и ушедший навсегда. В этом смысле я романтик. Я сын гуманитария, внук стоматолога, правнук адвоката, праправнук раввина. И я знаю точно – если ты любишь книгу по-настоящему, она отдаст тебе все свое тепло. А я люблю русскую классику, хотя не прочел и до середины ни одного русского романа. И я не буду жарить стейк на писателе второго сорта, вроде Горького. Всю классику я и моя *умная* блоха знаем наизусть: сюжет, биография автора со всеми подробностями, дата выхода бумажного *полена*. Это необходимо знать каждому повару, даже если он вообще не умеет читать книги» [Сорокин http].

Классика, которую следует понимать как сумму признанных, канонизированных текстов, отличающихся определенным культурным капиталом, бук-эн-гриллерами явно предпочитается другим произведениям. Классики, согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», – это «писатели, признаваемые лучшими, образцовыми. В узком смысле – греческие и римские писатели в противоположность писателям Нового времени (в этом значении – со времен *Возрождения*), а также представители *классицизма* (ныне тождественно понятию «классицисты»). В широком смысле – все писатели определенных периодов, считающихся временем расцвета национальной культуры (5 в. до н.э. для Греции, 1 в. до н.э. для Рима, 8 в. для Китая, 17 в. для Франции, 19 в. для России), а также вообще все крупные писатели, творчество которых стало достоянием не только национальной, но и *всемирной литературы*. К понятию К. относятся понятия классической традиции, классической манеры (в искусстве)» [Николюкин 2001: 362-363]. Как утверждает Паскаль Казанова, классик «олицетворяет саму литературную легитимность, значит то, что принято считать настоящей Литературой, на основе чего определяется граница того, что можно считать литературой, это то, что будет служить как специфический критерий» [Casanova 2012: 31].

Понятие классик в данной трактовке тождественно термину «канон». В интерпретации Игоря Сухих каноном называется «перечень, список, собрание, множество текстов/авторов, считающихся образцовыми, самыми ценными, ключевыми для данной национальной литературы и/или культуры» [Сухих 2016: 330]. Такое понимание в принципе соответствует определению термина канон в «Литературной энциклопедии терминов и понятий»: «Система устойчивых норм и правил создания художественных произведений определенного стиля, обусловленного мировоззрением и идеологией эпохи. Художественный К. является образцом и критерием положительной оценки всех произведений, созданных по его правилам. Как эталон художественного творчества он не столько ставит ограничительные рамки, сколько указывает на внутреннюю, глубинную основу, из которой должен исходить и на которую должен ориентироваться художник» [Николюкин 2001: 336-337].

Однако сам Игорь Сухих, ссылаясь на Б. Дубина, приводит три типа канона: «Можно говорить об устойчиво воспроизводимом, институциональном каноне (школа); актуальном каноне (литературная критика) и модном каноне (издательские стратегии в расчете на новую образованную, околуниверситетскую публику)» [Дубин цит. по Сухих 2016: 330]. Созданная Сорокиным иерархия текстов художественной литературы является, несомненно, примером последнего из названных И. Сухих канонов. Ценность литературных произведений в организации бук-эн-гриллеров мотивирована прагматическими целями (ценой сеанса приготовления еды на книге).

⁸ «The way in which a literary work satisfies, surpasses, disappoints or disproves the expectations of its first readers in the historical moment of its appearance obviously gives a criterion for the determination of its aesthetic value. The distance between the horizon of expectations and the work, between the familiarity of previous aesthetic experiences and „horizon change“ demanded by the response to new works, determines the artistic nature of a literary work along the lines of the aesthetics of reception: the smaller this distance, which means that no demands are made upon the receiving consciousness to make a change on the horizon of unknown experience, the closer the work comes to the real „culinary“ or light reading. This last phrase can be characterized from the point of view of aesthetics of reception in this way: it demands no horizon change but actually fulfills expectations, which are prescribed by a predominant taste, by satisfying the demand for the reproduction of familiar beauty, conforming familiar sentiments, encouraging dreams, making unusual experiences palatable as „sensations“ or even raising moral problems, but only to be able to „solve“ them in an edifying manner when the solution is already obvious» [Jauss, Benzinger 1970: 14-15].

Новая литература, а также значительная часть литературы XX в. в повести представлена как не достигающая ценности классической литературы. В этом духе звучит и ответ Гезы на предлагаемую «альбиносом-красавцем Алвизо» [Сорокин [http](#)] вязанку постсоветской литературы. «Нет, на таком не жарю. Ты же знаешь, наш век – не мое чтение. Предложи македонцам. У них в горах есть клиентура на постсоветский валежник» [Сорокин [http](#)]. В итоге современная русская литература в «Манараге» представлена всего одним произведением – «Дети Розенталя»⁹ Владимира Сорокина.

Специфическая система, в которой бытуют произведения художественной литературы в повести «Манарага», ее законы и функции, которые в ней выполняют отдельные литературные произведения, моделируют существующий в ней литературный канон. В нем несложно выделить не подвергающиеся переоценке тексты (классика) и тексты маргинальные, представленные, как правило, для узкого круга читателей, аудитории, которая выделяется по культурным, национальным или другим признакам (македонцы, читающие постсоветский валежник). Факт существования иерархии внутри любого канона подтверждают слова Игоря Сухих: «В каноне обычно выделяют твердый центр и размытую периферию» [Сухих 2016: 332]. Твердый центр в повести представляют в первую очередь произведения русской литературы XIX в.: А. С. Грибоедов «Горе от ума», Н. В. Гоголь «Мертвые души», И. А. Гончаров «Обломов», А. П. Чехов «Дядя Ваня». Особое место среди писателей этого периода принадлежит Ф. М. Достоевскому, который представлен тремя произведениями («Идиот», «Подросток», «Преступление и наказание»), а также Л. Н. Толстому. Тот в «Манараге» появляется в рассказе одного из клиентов Гезы как олицетворение природной силы, покровитель простого деревенского народа, великан, приносящий весну и просвещение. «А чудо было в том, что человек, пересекающий реку, рос и приближался с каждым шагом. И уже издали было заметно, что этот человек большой, необычный. Нагретый солнцем воздух дрожал и колыхался вокруг его возрастающей фигуры, торосы сверкали и переливались в солнечных лучах. Вскоре стал слышен и звук его шагов. Он шагал тяжело, сотрясая лед вокруг себя. Этот нарастающий, равномерный звук тяжких, мощных шагов заставил толпу притихнуть. Даже дети, все время галдящие и машущие руками и шапками, стихли и смотрели, раскрыв рты, словно считая каждый шаг. А каждый шаг делал идущего больше и сильнее. Люди на берегу смотрели и слушали шаги его» [Сорокин [http](#)]. Экономический фактор является ключевым при определении позиции Н. С. Лескова, творчество которого оказалось вне твердого центра. Этот «неходовой товар» [Сорокин [http](#)] вытесняется на периферию литературного канона.

Интересно, что в «твердый центр» литературного канона в повести не вошли поэты XIX в. Этот факт можно объяснить отсутствием интереса к сборникам поэзии вообще: «А вот поэтические сборники – не в ходу. Это объяснимо, но все-таки – жаль: в России поэзию обожали во все времена, за три века вышло множество книжек. Большинство из них – карманного размера, легкого или полулегкого веса. Они были бы идеальны для быстрых чтений: соловьи на Пушкине, конские тестикулы на Маяковском, телячьи ноздри на Пастернаке. Увы! Рынок наш диктует свои законы. Он беспощаден...» [Сорокин [http](#)].

На «размытой периферии», вне однозначной оценки, находятся также произведения авторов первой половины XX в.: «Чевенгур» А. Платонова, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Роман с кокаином» М. Агеева, «Одесские рассказы» И. Бабеля, рассказы М. Зощенко. Творчество Максима Горького главный герой «Манараги» Геза называет прямо второсортным.

Издательства, точно так же, как и крупные книжные магазины, являются, бесспорно, теми институциями, которые участвуют в процессе конструирования литературной иерархии, то есть в процессе образования канона произведений художественной литературы. Нет сомнений, что небольшой словацкий книжный рынок в значительной степени отражает существующую в мировой литературе ситуацию, но при том сохраняет и свои национальные особенности, реагирует на специфические для этой системы сигналы. Касательно национальных особенностей Е. В. Дмитриева пишет: «Пантеон, храм всех богов, казалось бы, уже в силу своей этимологии должен тяготеть к уникальности и единичности. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что подобно своему материальному воплощению – французскому Пантеону, превращенному в храм национальной славы и бессмертия, в котором, однако, многие сыны Отечества надолго не задерживались – также и литературный пантеон подвержен историческим изменениям и пересмотру. Особенно же сильные изменения он переживает при пересечении границ национальных культур, порождая каждый раз различные инациональные (т. е. зарубежные) его изводы. Так что мы вправе говорить о русском, например, или английском, или немецком варианте пантеона французской литературы, французском пантеоне русской литературы и т. д.» [Дмитриева 2018: 39]. Национальные варианты русской литературы, однако, не отрицают существование мировой литературы, так как они являются всего лишь ее разновидностями. Этот факт подтверждают исследования, которые проводили, например: Ю. И. Микаэлян¹⁰, Ю. А. Львова¹¹,

⁹ «Дети Розенталя» – постмодернистская опера в двух действиях композитора Леонида Десятникова на либретто Владимира Сорокина. Ее премьера состоялась в Большом театре в 2005 г.

¹⁰ Микаэлян Ю. И. Россия в Бразилии: взаимодействие культур (опыт перевода) // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 95-100.

¹¹ Львова Ю. А. Русская литература в современной Франции // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 155-167.

М. В. Оборина¹², или же просматриваются в статье «Есть ли у современной русской литературы место в мировом контексте?»¹³, в рамках которой на поставленный вопрос отвечали Александр Ливергант, Борис Дубин, Стефано Гардзонио, Марк Липовецкий, Екатерина Гениева, Марта Антоничева, Эмил Димитров, Ирина Савкина. Исследования и замечания упомянутых авторов и литературных критиков, перечень издаваемых в названных этими авторами странах произведений довольно убедительно указывают на существование так называемого «твердого центра и размытой периферии» [Сухих 2016: 332].

Включение в пространство мировой классики произведений русских авторов указывает на немаловажную роль, которую играет статус национальной литературы в пространстве мировой литературы, другой культуры. Как утверждает Паскаль Казанова, «Перевод является значимой институцией специфической легализации в литературном пространстве. [...] это форма признания, не простая замена языка или обмен на горизонтальном уровне, который можно (необходимо) квантифицировать, чтобы узнать количество переводов, изданных по всему миру. Перевод, наоборот, является ставкой в игре и главным оружием универсального соревнования отдельных игроков, это одна из специфических форм борьбы в международном литературном пространстве, оружие переменчивой геометрии, употребление которого меняется в зависимости от позиции переводчика и самого текста, то есть, зависит от позиции языка оригинального текста и целевого языка» [Casanova 2012: 168-169].

Русская литература играла с XIX в. в словацкой культуре весьма важную роль и в значительной степени способствовала формированию словацкой литературы. Этот факт определял также позицию русской литературы среди других произведений мировой литературы. Русская литература, хоть и с определенными колебаниями, до конца 1980-х гг. занимала видное, порой доминирующее место в мировом литературном процессе.

Существенные изменения политической и социальной жизни в Чехословакии, которые приходят после 1989 г., в значительной степени повлияли на культурную жизнь (в том числе на продукцию издательств) в Словакии и коснулись также отношения к русской литературе. Несмотря на факт, что хронология изменений позиции русской литературы в исследуемый нами период (1990-2019 гг.) представляется весьма интересной, при анализе формирования модели русской литературы на словацком книжном рынке мы коснемся этого вопроса лишь в той степени, которая позволит понять, насколько исторические трансформации повлияли на определение ценности русской литературы.

Одним из ключевых моментов, оказавших влияние на позицию русской литературы, стала замена государственной издательской монополии. «Система издательств проходит в 1990-х гг. трансформацию. Исключительно государственные учреждения превращаются в предпринимательские субъекты (Slovenský spisovateľ), многие из них фактически исчезают (Tatran, Obzor), ревитализацию проходят негосударственные издательства, существовавшие и до 1989 г., но по определенным (понятым) причинам слабо работавшие (Tranoscius, Spolok sv. Vojtecha), возникают новые издательства, основанные по личной инициативе (Heví, Causa editio), по инициативе небольшой группы (Fragment), или же появляются региональные издательства, которые всегда в какой-то форме существовали (Osveta – Martin, Východoslovenské vydavateľstvo – Košice). В сложный переходный период 1990-х гг. именно они сыграли важную роль в формировании новой сети издательств с естественным образом распределенными компетенциями и в сфере художественного перевода (L. S. A. Levice – словацкая литература, социально-научная литература; Modrý Peter Levoča – также переводы словацкой литературы на иностранные языки; Knižná dielňa Timotej Košice – „шикарные“, элитные и переводные тексты для ценителей)» [Kusá 2015: 141]. В результате этих изменений вплоть до конца 1990-х гг. появляется лишь незначительное число книжных изданий новой или до того не издаваемой в Словакии русской литературы. Причины ориентации издательств на «проверенную» классику можно искать прежде всего в самой позиции русской литературы после 1989 г. Как утверждают авторы научной монографии «Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825-2015», «русская литература находилась в ситуации, когда она должна была, с одной стороны, заново определиться, с другой стороны, внелитературный контекст ее дискриминировал» [Kusá 2015: 142]. Подводя итоги изданий переводной художественной литературы после 1992 г., Антон Элиаш утверждает, что «если с момента перелома 1992-1993 гг. в целом (среди переводных текстов) падает число изданий так называемой серьезной литературы (поэзия и классика), то для русской литературы сохраняется противоположная тенденция. Этот факт понятен, так как литература, которая в другом культурном пространстве должна справляться со столькими препятствиями, не может себе позволить шаг в сторону» [Eliáš чит. по Kusá 2015: 144].

Эта специфическая ситуация с начала нового тысячелетия постепенно меняется. Наряду с классической литературой более систематичный характер приобретают издания новых, современных русских авторов.

Сложившаяся на данный момент модель русской литературы, а также дискурс издательства и книжных магазинов (имеются в виду прежде всего крупные интернет-магазины) довольно убедительно доказывают, что возраст литературного текста и его канонизация в национальном литературном пространстве являются важной

¹² Оборина М. В. Англия читает Россию: англоязычные переводы русской классики и современной русской литературы // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 135-154.

¹³ Есть ли у современной русской литературы место в мировом контексте? // Знамя. 2011. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2011/10/170890.html>.

предпосылкой его канонизации в поле мировой литературы. Паскаль Казанова пишет: «Возраст является определяющим элементом литературного капитала: свидетельствует о „богатстве“ – в смысле количества текстов, а также и в первую очередь, о „величии“ национальной литературы, о предполагаемом или же уже подтвержденном превосходстве по отношению к другим национальным традициям и в итоге свидетельствует о текстовом количестве провозглашаемых „классическими“ (то есть избегающими сегодняшнего соперничества) или „универсальными“ (то есть освобожденными от какого-либо партикуляризма)» [Casanova 2012: 30].

Исследование функционирования русской художественной литературы в словацких изданиях в период с 1990 по 2019 гг. указывает на преобладающее в крупных издательствах предпочтение изданий классической литературы. Эта стратегия подтверждает слова Пьера Бурдьё о существовании в политике издательства двух форм экономического обмена и причинах предпочтения классической литературы другим, менее известным (не канонизированным) произведениям или авторам. «Художественное и литературное поле является местом встречи двух антагонистических форм производства и обмена, так как подвергается совершенно противоположным закономерностям. Первым из них является антиэкономическая экономика чистого искусства: основана на обязательно принятой бескорыстности и отрицает „экономику“, и „экономический“ (краткосрочный) капитал. <...> Производство признает только спрос, образованный самим производством, и направлено к накоплению символического капитала. Символический капитал понимается как непринятый „экономический“ капитал, но притом воспринимается и легализуется как настоящий кредит, который при определенных условиях, в долгорочной перспективе может принести реальный „экономический“ капитал. С другой стороны, вступают в силу законы „экономики“ литературного и художественного производства, которое с произведениями искусства работает как с любым другим товаром. Предпочтение отдается продаже и дистрибуции, а также непосредственному, ограниченному по времени успеху, который измеряется, например, тиражом» [Bourdieu 2010: 191].

По данным Государственной научной библиотеки г. Банска Быстрица, Index Translationum, базе данных chamo.kis3g.sk¹⁴ и данным крупнейшего словацкого книжного интернет-магазина martinus.sk, в исследуемый период появилось 378 книжных изданий русской художественной литературы¹⁵. По двум признакам – названию серии издательства¹⁶ и паратексту к изданию¹⁷, доступному в интернет-магазине martinus.sk, к писателям-классикам можно отнести всего одиннадцать авторов: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Брюсова, А. Куприна, М. Горького, И. Бабеля, М. Булгакова. При общем числе авторов, произведений которых издавались в Словакии (167), на творчество одиннадцати классиков выходит 113 книжных изданий¹⁸, то есть, почти 30% из общего числа книжных изданий русской литературы (378). Сам список названных авторов доказывает предпочтение издательствами эпических жанров лирике. Даже творчество А. С. Пушкина в словацких изданиях представлено лишь двумя сборниками стихов¹⁹. Интересно, что единственным современным автором, творчество которого сравнивается с

¹⁴ Интернет-портал к каталогам словацких библиотек.

¹⁵ В этот список включены также произведения детской литературы.

¹⁶ В издательстве Slovart, в серии *Svetová klasika* представлен Ф. М. Достоевский «*Netočka Nezvanová*» («Неточка Незванова»), Л. Н. Толстой «*Anna Kareninová*» («Анна Каренина»), Н. В. Гоголь «*Mŕtve duše*» («Мертвые души»); в издательстве Petit Press, в серии *Knižná klasika denníka SME* – Ф. М. Достоевский «*Hráč*» а «*Večný manžel*» («Игрок», «Вечный муж»), И. Бабель «*Ako to chodilo v Odeze*» («Одесские рассказы»); в издательстве SnowMouse Publishing, в серии *Edícia ruskej klasickej literatúry* – В. Брюсов «*Pod starým mostom*» («Под старым мостом»), М. Булгаков «*Moliér*» («Мольер»), А. С. Пушкин «*Eugen Onegin*» («Евгений Онегин»), А. П. Чехов «*Višňový sad*» («Вишневый сад»).

¹⁷ При издании сборника произведений А. Куприна «*Pribehy o láske a smrti*» (издательство Transoscius, 1996) указано: «Сборник лучших рассказов автора, которые, несомненно, принадлежат к классике русской литературы»; при сборнике поэзии А. С. Пушкина «*Dievča na skale*» (издательство Pezolt PVD, 2000) отмечено: «Сборник поэзии русского классика»; при издании «*Pol'ovníkove zápisky*» («Записки охотника») И. С. Тургенева (издательство Európa, 2010) указано: «Оригинальный сборник рассказов русского классика»; при издании Ф. М. Достоевского «*Zápisky z podzemia*», «*Zlý žart*» («Записки из подполья» и «Скверный анекдот») (издательство Európa, 2012) указано: «Об объеме и разнообразии творчества, о богатстве таланта великого классика русской литературы XIX века Ф. М. Достоевского – автора знаменитых романов „Преступление и наказание“, „Братья Карамазовы“, „Идиот“, „Белые ночи“, „Игрок“ и многих других не надо словацкому читателю особо напоминать»; при повести М. Горького «*Moje univerzity*» («Мои университеты») (издательство Európa, 2015) отмечено: «Знаменитая повесть классика мировой литературы»; издание Л. Н. Толстого «*Vojna a mier*» («Война и мир») (Ikar, 2017) сопровождается текст: «Речь идет о классическом романе-эпопее, отражающем жизнь русского общества в первых десятилетиях XIX века»; издание М. Булгакова «*Majster a Margaréta*» («Мастер и Маргарита») (издательство Slovart, 2017) дополняет текст: «Сегодня уже классический роман, который был в книжной форме издан двадцать пять лет после смерти автора, вызвал большой резонанс уже во время своего издания».

¹⁸ А. С. Пушкин – 12 книжных изданий, Н. В. Гоголь – 3, И. С. Тургенев – 5, Ф. М. Достоевский – 33, Л. Н. Толстой – 24, А. П. Чехов – 10, В. Брюсов – 4, А. Куприн – 3, М. Горький – 2, И. Бабель – 3, М. Булгаков – 14.

¹⁹ Имеются в виду сборники стихов «*Severná ruža*» (издательство «Slovenský spisovateľ», 1995) и «*Dievča na skale*» (издательство «Pezolt PVD», 2000). Кроме того были изданы: «*Eugen Onegin*» («Евгений Онегин») (Interpopulart Slovakia, 1995 и 1999; Petrus, 2002; SnowMouse, 2010); «*Piková dáma*», «*Povesti nebohého Ivana Petroviča Belkina*» («Пиковая дама» и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина») (Európa, 2009); «*Kapitánova dcéra*» («Капитанская дочка») (Európa, 2011 и 2013); «*Dejiny obce Goriuchina*» («История села Горюхина») (Európa, 2011); «*Rozprávka o cárovi Saltánovi*» («Сказка о царе Салтане») (Spolok slovenských spisovateľov, 2018); «*Rozprávky*», поэма «*Ruslan a Ludmila*» (Сказки, поэма «Руслан и Людмила») (Torden s. r. o., 2019).

произведениями писателей-классиков, является Людмила Петрушевская: «Трогательность ее текстов поразительна. В духе настоящей русской классики она смотрит на дно человеческой души»²⁰.

Круг писателей-классиков можно расширить авторами, произведения которых, согласно данным martinus.sk, по тем же признакам (серия издательства²¹ и паратекст к изданию²²) включены в список мировой литературы. Помимо А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, к представителям мировой литературы отнесены также Л. Андреев (представлен 4 книжными изданиями), И. Ильф и Е. Петров (6 книжных изданий), В. Сорокин (8 книжных изданий, одно из них в сборнике «Русские цветы зла»), В. Пелевин (7 книжных изданий, один текст в сборнике «Русские цветы зла»). С произведениями этих авторов число канонизированных писателей расширится до 138, то есть почти 37% всех изданий художественной литературы.

Указанные данные дают в принципе право согласиться с мнением авторского коллектива научной монографии «*Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825-2015*», которые утверждают, что «в случае книжных изданий переводов русской литературы намечается несколько ключевых, и в какой-то степени повторяющихся тенденций: 1) в реакции на конкуренцию, интересы рынка и предпочтения читательской аудитории, крупные издательства ориентируются преимущественно на переиздания и репринты русской классической литературы [...], но, с другой стороны, в другом объеме появляются также тексты современных русских авторов (которые стали известны благодаря неоднозначности или атипичности своего творчества, самореализации или другой деятельности); 2) небольшие и молодые издательства более склонны издавать произведения современной литературы, хотя число этих изданий небольшое...» [Kusá 2015: 162]. Однако стратегию небольших издательств вряд ли можно свести к попытке расширить границы канона (хотя эта тенденция в политике небольших издательств, несомненно, присутствует). Ярким примером тому могут служить издательства «SnowMouse Publishing»²³ и «Petit Press»²⁴, ориентирующиеся исключительно на творчество писателей-классиков.

Нет сомнений, что присуждение издательствами отдельным авторам статуса классика или представителя мировой литературы – реакция на позицию этих авторов в пространстве мировой литературы, а также их место в пространстве национальной (в данном случае словацкой) литературы. Тем не менее присуждение определенного статуса издательствами является также формой соиздания литературного канона и закрепления в нем позиции отдельных авторов, то есть формой определения ценности литературного текста. Ценность литературного текста на книжном рынке, существенной частью которого являются именно издательства, притом прямо связана с экономическим капиталом – ожиданием прибыли от издания текста, и поэтому не обязательно указывает (хоть и не отменяет его) на символический капитал этого текста. По этой причине можно утверждать, что именно ориентация на прибыль влиятельнейших и крупнейших книжных издательств в значительной степени определяет форму литературного канона. Тот хоть и отражает существующий статус отдельных авторов в пространстве мировой или национальной литературы, но в не меньшей степени свидетельствует об экономических интересах издательств. Данная ситуация неслучайно напоминает систему функционирования художественной литературы в повести В. Сорокина «Манарага», хотя процессы, проходящие в работе издательств, все же значительно сложнее. Ориентация на проверенные, канонизированные тексты или методы канонизации текстов художественной литературы являются отнюдь не единственным процессом в системе издательств (этот факт подтверждает широкий спектр авторов и их произведений), однако именно предпочтение канонизированных текстов в значительной мере обеспечивает существование издательств на книжном рынке. Нельзя не согласиться с мнением О. М. Роя насчет современного русского рынка: «В настоящее время обеспечивать рентабельность производства могут только крупные издательства, обладающие собственной системой распространения продукции. Поэтому примечательной чертой нашего времени становится слияние ведущих издательств и книготорговых сетей, что способствует монополизации этого сектора экономики и его ориентации на коммерчески выгодные проекты» [Рой 2014: 190].

Как в повести «Манарага», так и в системе словацкого книжного рынка в функционировании художественной литературы задействованы крупные игроки, которые существенным образом определяют литературный канон. Ценность определенного литературного текста в обоих случаях в значительной степени зависит от экономических целей этих систем. Как утверждает Т. С. Элиот, «о литературности определенного текста (то есть, о его принадлежности к литературе) должны судить исключительно эстетические критерии (согласно кантовской традиции, они должны быть незаинтересованными или лишенными прагматизма), но значение литературного текста (если уже решен вопрос его литературности) зависит от внеэстетических критериев» [Элиот цит. по Compagnon 2006: 249].

²⁰ Паратекст к изданию сборника произведений «*V dome niekto je*» («В доме кто-то есть»), Artforum, 2011.

²¹ В издательстве Kalligram, в серии *Svetová próza* представлен роман В. Сорокина «Сердца четырех»; в издательстве Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, в серии *Knižnica svetových autorov* представлен сборник В. Пелевина «Relics» и сборник повестей и рассказов Л. Андреева под названием «Rozhovor uprostred noci».

²² В паратексте к изданию рассказов «Роведку» И. Ильфа и Е. Петрова (издательство Európa, серия Kolotoč) на martinus.sk указано: «Их произведение до сих пор считается важным памятником мировой литературы...»

²³ В издательстве представлено творчество А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, В. Брюсова и М. Булгакова.

²⁴ В Petit Press были изданы произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Булгакова и И. Бабеля.

Литература

- Битов, А. Пушкинский дом / А. Битов. – СПб. : Азбука-Классика, 2000. – 499 с.
- Данилкин, Л. О чем на самом деле «Манарага» Владимира Сорокина / Л. Данилкин. – URL: <https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyayet-lev-danilkin> (дата обращения: 28.09.2020). – Текст : электронный.
- Дмитриева, Е. Е. Литературный пантеон как проблема пограничья / Е. Е. Дмитриева. // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее : сборник трудов конференции. – Псков : Псковский государственный университет, 2018. – С. 39-54.
- Есть ли у современной русской литературы место в мировом контексте? – Текст : электронный // Знамя. – 2011. – № 10. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2011/10/170890.html> (дата обращения: 28.09.2020).
- Львова, Ю. А. Русская литература в современной Франции / Ю. А. Львова. // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. – Тверь : Тверской государственный университет, 2015. – С. 155-167.
- Микаэлян, Ю. И. Россия в Бразилии: взаимодействие культур (опыт перевода) / Ю. И. Микаэлян // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 2. – С. 95-100.
- Николюкин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – 1596 с.
- Оборина, М. В. Англия читает Россию: англоязычные переводы русской классики и современной русской литературы / М. В. Оборина // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. – Тверь : Тверской государственный университет, 2015. – С. 135-154.
- Рой, О. М. Рынок книжной продукции как полигон формирования новой экономики / О. М. Рой // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 1. – С. 188-193.
- Скибицкая, Л. В. Публицистический дискурс СМИ в формировании иерархий и репутаций современной литературы / Л. В. Скибицкая // Мультимедийная публицистика : сборник научных трудов. – Брест : Издательский центр БГУ, 2018. – С. 330-334.
- Сорокин, В. Манарага / В. Сорокин. – URL: <https://e-libra.ru/read/490699-manaraga.html> (дата обращения: 16.09.2020). – Текст : электронный.
- Сухих, И. Н. Русский литературный канон XX века. Формирование и функции / И. Н. Сухих. // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17, № 3. – С. 329-336.
- Толстая, Т. Кысь / Т. Толстая. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.
- Bourdieu, P. Pravidla umění. Vznik a struktura literárního pole / P. Bourdieu. – Praha : Host, 2010. – 496 с.
- Casanova, P. Svetová republika literatury / P. Casanova. – Praha : Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum, 2012. – 439 с.
- Compagnon, A. Démon teorie. Literatura a bezhne myslenie / A. Compagnon. – Bratislava : Kalligram, 2006. – 314 с.
- Janoušek, P. Therna koshka aneb subjekt znalce v myšlení o literaturze a jeho komunikatchní strategie / P. Janousek. – Praha : Academia, 2012. – 280 с.
- Jauss, H. R. Literary History as a Challenge to Literary Theory / H. R. Jauss, E. Benzinger // New Literary History. A Symposium on Literary History. – 1970. – Vol. 2, No. 1. – С. 7-37.
- Kant, I. Kritika soudnosti / I. Kant. – Praha : Odeon, 1975. – 271 с.
- Kupka, V. Podoby cenzury v súčasnej ruskej literatúre Podoby cenzury v súčasnej ruskej literatúre / V. Kupka // World literature studies. – 2018. – С. 38-57.
- Kusá, M. Ruska literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825-2015 / M. Kusa. – Bratislava : VEDA, 2017. – 263 с.
- Onufer, P. Obtížná balanc. Ke kanonu anglofonních literatur v českém kontextu / P. Onufer. – Praha : Univerzita Karlova ; Nakladatelství Karolinum, 2019. – 206 с.

References

- Bitov, A. (2000). *Pushkinskii dom* [The Pushkin House]. Saint Petersburg, Azbuka-Klassika. 499 p.
- Bourdieu, P. (2010). *Pravidla umění. Vznik a struktura literárního pole*. Praha, Host. 496 p.
- Casanova, P. (2012). *Svetová republika literatury*. Praha, Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum. 439 p.
- Compagnon, A. (2006). *Démon teorie. Literatura a bezhne myslenie*. Bratislava, Kalligram. 314 p.
- Danilkin, L. *O chem na samom dele «Manaraga» Vladimira Sorokina* [What is Actually Vladimir Sorokin's "Manaraga" About]. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyayet-lev-danilkin> (mode of access: 28.09.2020).
- Dmitrieva, E. E. (2018). Literaturnyi panteon kak problema pogranich'ya [Literary Pantheon as a Borderland Problem]. In *Kulturnyi landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashhee, budushhee: sbornik trudov konferentsii*. Pskov, Pskovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 39-54.
- Est' li u sovremennoi russkoi literatury mesto v mirovom kontekste? [Does Contemporary Russian Literature Have a Place in the World Context?]. (2011). In *Znamya*. No. 10. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2011/10/170890.html> (mode of access: 28.09.2020).

- Janoušek, P. (2012). *Therna koshka aneb subjekt znalce v myšleni o literaturze a jeho komunikatchni strategie*. Praha, Academia. 280 p.
- Jauss, H. R., Benzinger, E. (1970). Literary History as a Challenge to Literary Theory. In *New Literary History. A Symposium on Literary History*. Vol. 2. No. 1, pp. 7-37.
- Kant, I. (1975). *Kritika soudnosti*. Praha, Odeon. 271 p.
- Kupka, V. (2018). Podoby cenzury v súčasnej ruskej literatúre Podoby cenzury v súčasnej ruskej literatúre. In *World Literature Studies*, pp. 38-57.
- Kusá, M. (2017). *Ruska literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825-2015*. Bratislava, VEDA. 263 p.
- Lvova, Ju. A. (2015). Russkaya literatura v sovremennoi Frantsii [Russian Literature in Modern France]. In *Russkaya literatura za rubezhom: perevod kak vospriyatie i vospriyatie perevoda*. Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 155-167.
- Mikaelyan, Ju. I. (2017). Rossiya v Braziii: vzaimodeistvie kultur (opyt perevoda) [Russia in Brazil: Interaction of Cultures (Translation Experience)]. In *Koncept: filosofiya, religiya, kultura*. No. 2, pp. 95-100.
- Nikolyukin, A. N. (2001). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, Intelpak. 1596 p.
- Oborina, M. V. (2015). Angliya chitaet Rossiyu: angloyazychnye perevody russkoi klassiki i sovremennoi russkoi literatury [England Reads Russia: English Translations of Russian Classics and Contemporary Russian Literature]. In *Russkaya literatura za rubezhom: perevod kak vospriyatie i vospriyatie perevoda*. Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 135-154.
- Onufer, P. (2019). *Obtizhná balanc. Ke kanonu anglofonnich literatur v tcheskem kontextu*. Praha, Univerzita Karlova, Nakladatelstvi Karolinum. 206 p.
- Roi, O. M. (2014). Rynok knizhnoi produktsii kak poligon formirovaniya novoi ekonomiki [Book Market as a Testing Ground for the Formation of a New Economy]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. No. 1, pp. 188-193.
- Skibitskaya, L. V. (2018). Publitsisticheskii diskurs SMI v formirovanii ierarkhii i reputatsii sovremennoi literatury [Publicistic Discourse of the Media in the Modern Literature Hierarchies and Reputations Formation]. In *Multimediinaya publitsistika: sbornik nauchnykh trudov*. Brest, Izdatelskii tsentr BGU, pp. 330-334.
- Sorokin, V. *Manaraga* [Manaraga]. URL: <https://e-libra.ru/read/490699-manaraga.html> (mode of access 16.09.2020).
- Sukhikh, I. N. (2016). Russkii literaturnyi kanon XX veka. Formirovanie i funktsii [Russian Literary Canon of the Twentieth Century. Formation and Functions]. In *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. Vol 17. No. 3, pp. 329-336.
- Tolstaya, T. (2007). *Kys* [Kys]. Moscow, Eksmo. – 416 p.

Данные об авторе

Лизонь Мартин – доктор философии, старший преподаватель, философский факультет, Университет им. Матея Бела (Банска Быстрица, Словакия).
 Адрес: Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela, Tajovského 40, Banská Bystrica.
 E-mail: martin.lizon@umb.sk.

Author's information

Martin Lizon – Doctor of Philosophy, Senior Lecturer, Faculty of Arts, Matej Bel University (Banská Bystrica, Slovakia).